

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Они вышли из войны

Война заставила слишком рано повзрослеть нашу землячку Марию Щукину

фото из семейного архива

МАРИЯ ЩУКИНА:

— А первое утро войны, я помню, выдалось таким солнечным, теплым. Выбежала в переулок, а там дедушка — сосед с одной рукой, я ему кричу так радостно: «Деда Миша, война началась!» Он одной рукой слезы вытер и говорит: «Глупенькая, ты еще не знаешь, что такое война, но поживешь — узнаешь».

разгружать комбайн на ходу, поскольку был запрет — нельзя останавливать машины даже для разгрузки. Для девочек около бункера соорудили что-то вроде навесной клетки. Намолотил комбайн зерна, сестренки подставляют мешок (килограмм так на 50)...

— А мы еще комбайнера просим — не насыпайте с верхом, не дотянем, — говорит Мария Степановна. — Нам же этот мешок на ходу надо было кинуть в рядом идущую подводу. А какие силенки-то у нас с сестрой были в 11-12 лет для такого метания тяжестей? Иной раз и мешок выскальзывал из рук, и зерно рассыпалось.

Не произносит этого слова Мария Степановна, но дети надрывались на непосильной работе. Именно надрывались. Ох, как потом аукнулись Маше эти нагрузки...

Кроме всего прочего, из школьников организовали агитбригаду художественной самодеятельности. Акробатические этюды, песни, стихи. В своем-то селе — ладно, проведут школяры концерт и по домам. А в соседних деревнях агитбригаду ждали к 11 часам ночи.

— Господи, Мария Степановна, зачем еще агитбригада-то нужна была?

— Как зачем? Война же. В деревнях ни радио, ни газет. Я, например, читала стихи о Зое Космодемьянской. Тогда же уже вышла статья в «Правде» о партизанке Тане. Надо же было рассказывать сельчанам, как героически сражаются и умирают советские люди.

А в 44-м году у Маши стала побаливать нога, и к знахаркам ее водили, и врачу показывали, но диагноз поставили неверный, а стало быть, и лечили как могли. Это потом уже Мария Степановна узнала, что нехватка кальция плюс тяжелые нагрузки на быстро растущий молодой организм дали вот такую травму. На всю оставшуюся жизнь.

После войны Мария Степановна Щукина стала учительницей литературы. К своим годам заработала стаж в 46 лет. А те, военные детские, годы (работа за палочки-трудодни) в него просто не вошли. Нет, медальку-то ей дали как труженице тыла, наравне с ветеранами войны нынче поздравляют. Но вот здоровье уже не вернешь — палочка всегда при Марии Степановне. И детский непосильный труд в общий стаж не вошел, как будто и не было ничего.

Но если вы думаете, что Мария Степановна о чем-то жалеет, то это не так. Меня до сих пор поражает ее уникальная способность удивляться всему хорошему, будь то услышанная песня, стихи или знакомство с новым человеком. Не стать брюзгой, не скатиться в вечное нытье в преклонном возрасте, наверное, это характер оттуда, из военного времени, когда могли радоваться малому и ценить жизнь во всех ее проявлениях. А еще она любит повторять строки из Константина Ваншенкина:

Откуда мы? Мы вышли из войны,
За нами стелется дорога.

Мы нынче как-то ближе быть должны,
Ведь в мире нас осталось так немного.

Полина Никитина

НАМ НЕПРОСТО понять их, непросто постичь: у нас не было военного детства. У моих ровесников — все больше шарики-скакалки, у нынешних — компьютеры и «сети».

А у детей войны — полуголодная жизнь, одни валенки на двоих, работа за палочки-трудодни в колхозе, а еще и учиться надо было не хуже других. И земельный надел — гектар с картошкой — обихаживать, иначе не проживешь. А еще им мечталось побыстрее вырасти и повторить подвиг Зои Космодемьянской. Во имя Советской Родины, которую очень любили несмотря ни на что.

Мария Степановна Щукина (тогда Попова) родилась в конце 1931 года в селе Верхние Белозерки Ставропольского района. К началу войны в их семье было трое детей, а Маше — 10 лет. Отец, самый грамотный на селе человек (три года церковно-приходской школы), заводил фермой, мать — на хозяйстве. Жили просто, без затей, перебивались чем могли, коровы не было — ее еще во время коллективизации отобрали. И когда маленькая Маша (сейчас-то вспоминает и плачет. — Авт.) с крохотной кружкой отправилась попросить молочка у дальней родственницы, бабушки Поли, ей со двора крикнули: «Пошла ты...»

Бедовали до тех пор, пока в 1937 году отца, как передовика производства, не наградили стельной телочкой. Эта коровенка, названная сразу Дочкой, и помогла им в войну с голода ноги не протянуть. Да и урожай хлеба в 39-м хорошим выдался, вроде жизнь налаживаться стала. А тут — война. Позвонили ночью в сельсовет дежурным, те и побежали по дворам кричать о страшной напасти.

— А первое утро войны, я помню, выдалось таким солнечным, теплым, — вспоминает Мария Степановна. — Выбежала в переулок, а там дедушка — сосед с одной рукой, я ему кричу так радостно: «Деда Миша, война началась!» Он

одной рукой слезы вытер и говорит: «Глупенькая, ты еще не знаешь, что такое война, но поживешь — узнаешь».

Маша пожила и узнала, как и миллионы ее сверстников по всей стране, где был только один закон: «Все для фронта, все для победы». Самых крепких мужиков забрали на фронт, остались в Белозерках немощные старики, малолетки и женщины.

Маше в ту пору как раз десять лет было, по военным меркам почти взрослая. Отменили занятия в школе в сентябре и мае, для того чтобы школяры в поле помогали. Маша с одноклассниками колоски за комбайном собирала, а их много оставалось. Колоски сдавали на ток, а там тоже для детей находилась работа: таскали тяжеленные ведра с зерном в большое подвесное решето. К вечеру ни ног, ни рук не чуяли, а ведь хотелось и на посиделки сбегать — попеть, поплясать под балалайку.

Команда была строгая: ни одного зерна не оставлять в поле. Весь урожай, конечно, шел на нужды фронта. Очень строго тогда все было. Присланный из райкома в деревню уполномоченный по чьему-то доносу запер в сельсовете двух женщин для суда: они набрали себе по карману зерна. Еле-еле всем селом отстояли их, отпустил он их к детям.

В 42-43-м годах с транспортом совсем стало туго, находились машины только для отправки хлеба на элеватор. А от комбайнов пришлось зерно возить на коровах, приделали им какие-то тарайки, куда и ссыпали зерно. Маша с сестрой на пару возили: одна ведет коровенку, другая в тарайке сидит. Выгружат на току хлеб — и обратно. Но корова-то не лошадь, к тяжелой работе непривычная и шумной техники боялась. В один такой день комбайнер забыл приглушить машину. Дочка с места и рванула, и всей тяжестью на ногу Маше обрушилась. Тогда вроде поболело и прошло. Но потом девочек поставили